

Й о ш к и - п а ш к и

Около четырех часов утра постучали в дом. Раиса накинула шаль, глянула меж шторами: крутились полицейские мигалки, у двери ждал мужской силуэт. Эвакуация, мол. Раиса наотрез отказалась уезжать.

— Растащат всё! — привела аргумент, словно у нее было что тащить.

— Вы погибнуть можете, понимаете? — Полицейский был раздражен. Конечно, раздражен: если все-таки город затопит, придется возить неухавшим питание, воду, лекарства... В свете мигалок веснушки у полицейского смотрелись на лице черными брызгами.

Но Раиса уперлась: дом не оставлю. Захлопнула дверь — и конец разговору.

Она даже не волновалась ни о чем: просто взяла из серванта документы, затем вышитую подушечку с кровати, теплую шаль со стула и потащилась на чердак. С больными ногами редко ходила наверх, в пыль и холод. Но в этот раз не заметила ничего — улеглась на диван под старое одеяло и снова заснула.

Утром глянула в окно, на апрельскую сухую землю, на воробьев посреди ржи забора, зевнула. Потом отвлеклась на что-то, подраскидала по углам вещи, оживляя давно нежилой чердак, поразбирала в старом шкафу: что там вообще? За одной из створок проверила склад запасов: банки, пачки, коробочки; сама себя похвалила за хозяйственность. Нашла старую кофту, мужнину шапку, надела аккуратно, не тряся пыль.

А потом глядь снова в окно — вдоль забора уже несется вода! Грязно-рыжая, болотно-зеленая, тухло-бурая — течет мимо домов, будто их построили посреди реки. Раиса ошарашенно стянула шапку, открывая коротко стриженные, крашенные в рыжий волосы.

Сначала обещали, что подтопления не будет. Неделью назад вода перешагнула городской пляж. Примерно сутки из нее еще виднелись плещи прибрежной сухой травы. Потом вода подступила к дороге, стояла рябой пленкой на асфальте. Этим утром — пришла в город.

Раиса вышла под крышу балкончика с тыльной стороны чердака, схватилась с волнением за ограждение:

— Ангидрит твою перекись марганца...

Вода окружила. И не было у нее ни берегов, ни границ: сколько видел глаз — только рыжее движущееся полотно. Казалось, дом вот-вот снимется с места и потянется следом.

Из окна соседнего дома свесил руку с сигаретой мужик. Раиса знала, что соседа зовут Тарас, вдовец чуть за семьдесят, но много лет не общалась с ним дольше слова «Здорово!», брошенного без поворота головы, даже подзабыла, как выглядит — крупное тело с квадратными плечами, круглое морщинистое лицо с кожей, стянутой к носу, словно простроченной там, смешливые глаза, поджатый уголок большого рта, — забыла, как раздражали его вечно клетчатая рубашка нараспашку и седые кудри, торчащие на груди.

Свободной рукой Тарас задумчиво вытер лоб под шерстяным кеппи:

— Как водичка лихо пришла! За полчаса на метр!

У него по крыше гаража бегал белый пес, гулко противно тьявкал. На сложенных башней бетонных блоках махали крыльями две утки. Из-под мышки Тараса с интересом выглянул рыжий кот.

— Чего не уехала? — спросил сосед Раису. — Я мать и дочку отправил, сам буду на хозяйстве.

— Больно хозяйственный, шоль? — скептически усмехнулась Раиса.

Из ворот дома напротив ребята в оранжевых комбинезонах и касках выносили на одеяле худого деда. В красной надувной спасательной лодке этот дед сел рядом с девушкой, оперся на клюку и безвольно уставился на воду.

— А мы твари без пары, нас не надо спасать, — гордо кивнула Раиса.

Все происходило как в иностранном фильме про водный мир, и в происходящее верилось с трудом.

— Сейчас там, на углу, мужик козу спасал, вон там, на течении, перевернулся. — Тарас потянул в сторону пухлый палец. — За моторку зацепили его. Чуть не уплыл, короче, вместе с козой. Сезон открыли купальный, в общем.

— А куда их? — кивнула Раиса на деда в лодке.

Тарас сплюнул:

— Шут его знает. В школы.

Раиса вдруг спохватилась, что у нее там на кухне продукты в ящиках, в комнатных шкафах фотографии, книги, вещи! Покрутилась на месте, готовая бежать вниз. Тарас сказал, чтобы забыла про вещи, их уже не спасти.

— Смотри вон, как ихтифауна развлекается!

Он указал вниз, где рябую воду резали спинные тонкие плавники. Линии появлялись на поверхности, догоняя одна другую, скручивали воронки.

— Йошки-пашки, сколько их!

— Щука окуней гоняет! — с азартом рыбака заметил Тарас. — Смотри, один за твой дом драпанул! Эх, рыбье царство теперь...

Раиса сказала, что слышит под полом шум и плеск, пропала с балкона, а потом появилась с глазами по пять рублей, крикнула:

— У меня там русалка!

Тарас продолжил медленно курить, посмотрел спокойно.

— Да правду говорю! Рыба у меня!

— Рыба?

Тарас бросил сигарету вниз, пропал в окне. Послышался гулкий стук: это он кинул деревянную лестницу с дома на гараж, с него — на крышу к Раисе. Грузно и медленно взобрался к ней на чердак, а потом они вдвоем спустились на ее кухню.

Пол в кухне стал точно выше на метр, а мебель ушла в него, как уходят в землю дома. Помещение наполнилось водой, словно кружка — растворенным цикорием. Толкались всплывшие пакеты, пустые контейнеры, пластиковые подложки из-под курицы, банки со специями жопками вверх, табуретки... Пузырем лежали намокшие шторы «в розочку», тряпки с веревки, скатерть «в лимончик». В ореоле семечковых кожурок проплыла мимо алюминиевая кастрюля.

В паре метров от лестницы из воды поднялась блестящая голова. Кожа в крупной чешуе, точно в перламутровых кнопках баяна. Спинной красный плавник выходит на лоб, стоит коронной. Желтые глаза почти человеческие, внимательные, испуганные.

— Сама ты русалка. Это окунь, — тихо поправил Тарас. — Щука загнала.

— Окунь... У нас что, теперь такие окуни?

— Давно уж, как построили завод.

Рыба издала шипение и нырнула в воду, показав тело в прыжке, как дельфин, зеленовато-желтое, с темными поперечными полосами.

— Самец или самка, как узнать?

— По сиськам. — Тарас хрипло рассмеялся. — Отпускаешь рыбу: если поплыл, то самец, если поплыла — самка.

— У, холера! Не смешно. Страшно!

— Она больше твоего боится. Жила себе в реке спокойно, а тут — бах! — новая территория!

Рыбий плавник сделал круг по кухне, потом рыба ударилась под водой о препятствие, подпрыгнула, раскинув брызги, хлопнула хвостом.

— Какая шлеп-нога! — восхитился Тарас, но Раиса восторга не разделяла.

Рыба билась о мебель, и с полок валилось в воду оставшееся — мусором сама себе завалила путь через дверь в комнату, на волю.

Крушащая кухню, она приводила Раису в иступление, будто, если бы не рыба, после отхода воды все в доме могло сохраниться в прежнем виде.

— Вот сатана погана! — жала кулаки Раиса. — Вылови ее отсюда!

— И куда мне ее? Таких не едят. Иди еще поймай попробуй.

Рыбий хвост взболтал воедино столовые приборы, пакеты, траву, черный ил и воду. Раиса и Тарас молча таращились на водное шоу.

— Цаца-то с дурцой! — осудила Раиса.

— Родная дочь тебе. — Тарас снова засмеялся. — Выплывет потом. Пошли наверх.

Желтые глаза заблестели, провожая пару по лестнице.

У Тараса была горелка; если Раиса даст продукты, он обещал приготовить горячего на двоих. Она сначала сказала, что нет ничего.

— А ты кашу из топора пробовала? — спросил он хитро. — А из молотка? Из отвертки?

Раиса сдалась:

— Вылезай пока, поищу что-нибудь.

Она отвлекла внимание от шкафа и, пока сосед отвернулся, вытащила из-за створки две пачки макарон. Одну пожалела — сунула в карман халата под полую кофты.

Позже Тарас передал Раисе дымящую чашку с макаронами через то же окно. Принес и старую материну куртку: заметил, что у Раисы только шаль поверх кофты. Она вышла на свой балкон, он вернулся в дом и высунулся из своего окна.

— Правильно, что остались, — сказал Тарас, жуя. — Там, поди, пошло такое аля-улю, что и без нас работы хватит.

— Что же теперь будет? — причмокивая, спросила Раиса.

— А что будет? Весна. Однажды закроются источники бездны, окна речные.

— Ты поэт, шоль?

— Весна неизбежна, но придет через большую грязь.

Тарас спокойно описал, как уйдет вода, между тухлой вонью запахнет сиренью, улица будет напоминать заброшенную деревню с косыми домами, просевшими, обвалившимися. Вернутся люди. Рядом с каждым домом будет расти вонючая серо-коричневая груда хлама: вынесут размокшие диваны, вытащат куски дерева, игрушки, технику и прочие трудно опознаваемые предметы. Все увезут. Начнут латать то, что останется...

Раиса поблагодарила за ужин:

— Спасибо! Горячее — хорошо!

— Ага, пойду своих кормить.

Раиса спустилась по лестнице с грязной чашкой в руке, оглядела кухню. Потом, опасно поднимая глаза, обмыла чашку в речной воде прямо у ступеней. Масляно-мутная взвесь облачком потянулась по воде. Появилась девичья голова, разомкнула губы, хватая мутную воду.

— Йошки-пашки, бедное дитко...

Постояв в раздумьях, Раиса вынула из кармана пачку с макаронами, вскрыла. Хватанула жестких рожков в кулак, подвигала над водой пальцами, посыпала. Узкий плавник порезал водную гладь слева направо, потом справа налево. За плавником поднялся блестящий лоб, желтые глаза. Голова раскрыла рот, сквозь рыбью щеку прошел вечерний оранжевый свет. Раиса заворуженно наблюдала, как рыба жует пойманные рожки, дергает головой.

— Так ты у меня все пожрешь... — насторожилась Раиса, но потом снова посыпала над водой.

Рыба снова собрала брошенное, посмотрела просяще.

— Хочешь еще? — Раиса помолчала, подумала. — А достань мне из шкафа кое-что... Вон того, у плиты, слева.

Рыбья девчонка смотрела внимательно, словно ждала уточнений.

— Второй ящик от окна открывай, там бутылка белая... — Раиса даже указала пальцем куда нужно, повторила просьбу громче.

Но рыба не сдвинулась с места.

— Не дам жрать без бутылки! Чего смотришь? Взрослым надо помогать, вас там не учат?

Раиса трясла макаронной пачкой, материлась, хлопала по перилам слабым кулаком. Рыба не понимала ее.

— Вот ты демон сдутый...

По небольшой глубине можно было самой дойти до шкафа, но сушиться в холодном доме было негде, а ночью температура грозила опуститься до трех градусов. Раиса, подумав, не стала рисковать.

Плюнув со злости, она потащилась наверх. Там выглянула в окно: по воде двигалось несколько лодок с людьми в оранжевом. Раиса легла на диван. Закуталась в шаль, затем в одеяло, уткнулась взглядом в потолок. Злость жарко грела ее изнутри. Злилась на рыбу за глупость, на себя — за желание выпить.

До этого дня Раиса считала себя бывшим алкоголиком, хотя бывших алкоголиков не бывает. Думала каждый день: просто сегодня она не пьет. Это состояние «сегодня» длилось почти год после семи лет запоя.

До шестидесяти у нее была обычная жизнь. Вышла замуж, детей не было. Работала в сфере медицины. Как у медиков говорят, «из операционной выходят к полторашке». Чтобы влиться в коллектив, пришлось учиться пить. Но тогда Раиса еще знала меру. С мужем жили дружно, заботились друг о друге, никаких обид и претензий. Очень боялась его потерять. Александр работал вахтовым методом. Из очередной поездки не вернулся. Позвонил друг: «Саши больше нет». Какая там была мера?

Семь лет запоя. После — год «сегодня не пью». Но сегодня как не запить?

Где-то внизу по кухне дома плавала рыба — Раиса слышала гулкий плеск воды, доносящийся словно из большого ведра. Остро пахло рекой. Раиса переживала за рыбу в холодной темной воде, по-человечески забывая, что рыбе не нужно ни тепла, ни света.

Кажется, по бокам от головного плавника Раиса видела у нее что-то вроде плетеных наростов, склизких и тонких, словно приросших к чешуйчатой коже косичек. Как есть девчонка!

Раиса лежала в густеющих сумерках и придумывала рыбе, которая, повинуясь ее надежде, должна была до утра покинуть дом, имя.

Вспоминала разные, перебирала то, что вспомнилось, примеряла.

Утром она спустилась до середины лестницы, перегнулась через перила, выглядывая рыбу. Та лежала на воде с закрытыми глазами брюшком вверх: тонкая, блестящая, метра полтора длиной, узкий хвост плавно двигался из стороны в сторону.

От скрипа ступеней рыба проснулась, сонно глянула на Раису. Хвост ее поднялся из воды, как будто девчонка потягивалась, и, чуть обсохнув, неожиданно напомнил прижатые друг к другу детские ножки. Померещилось и пропало в воде.

— Марина будешь, — сказала Раиса. — «Морская» значит. Мариша, Ма-ри-ша...

— Ма... Ма, — повторила тонко рыба.

— Заговорила, — обрадовалась Раиса, спустилась ниже, — по-нашему!

На эмоциях она снова вытащила макаронную пачку, пролежавшую ночь в ее кармане, сыпанула в воду. Девчонка поела, закружилась в воде, засмеялась, стала плавать от стены до стены, вспенивая желтую пленку пузырей. Остановилась у шкафа, подняла глаза на календарь, висящий над плитой.

— Это наш президент, знаешь? — гордо сказала Раиса. — А ты у нас — русская рыба, должна говорить по-русски.

Марина, угождая, повторила слог «ма» несколько раз, чем совсем растопила Раису.

Та уселась на ступеньку у воды, стала учить Марину, точно попугайчика:

— Повторяй целиком: Марина, Мариша!

С улицы послышался призывный крик. Раиса поставила пачку макарон на ступеньку и поко-
выляла вверх, на балкон.

Под окном Тараса качалась надувная лодка с двумя парнями, полная мешков и бутылей; на вопрос приплывших «Как дела?» Тарас весело ответил: «Всё на мурмулях!»

— Тут воду привезли, — пояснил он вышедшей Раисе. — Давай я твое к себе подниму, а потом принесу? Али как?

Он уже тащил к себе в окно веревку с крюком, на крюке, зацепленная за ручку, вертелась пятилитровка.

— Эвакуироваться надумали? — спросил парень пенсионеров.

Они вновь отказались.

— Я на втором этаже, что мне будет? Мой дом — моя крепость. — Тарас отцепил последнюю бутылку и закурил. — Может, сигареты есть?

Раиса чуть не прикусила язык: хотелось спросить и про выпивку, но откуда она у волонтеров? Подумалось: а в магазинах, при неработающих камерах, поди уже растащили всю.

— Мы живучие, — сказала она. — Всякое видали. Посидим.

— Да, — поддержал Тарас. — Вы привет там передавайте нашему руководителю. Я бы сказал нецензурное.

Один парень в лодке хмыкнул:

— Слышал: требовали его на растерзание. Но прокурор сказал, что к ответственности может привлечь за несанкционированный митинг. Так что так.

Второй парень оттолкнулся веслом от стены дома:

— Вы это... Тут, говорят, ребята странные плавают, на небольших надувных — обходят чужие дома, подплывают к окнам, рассматривают, примеряются... Окликали их — говорят: «Просто плаваем». Будьте, короче, начеку.

— Ворье, — осудил Тарас. Предположил, что в магазинах, где сейчас отключены камеры наблюдения, поди уже вынесли все, теперь пошли по домам.

— Хотя бы число патрулей увеличили! — предложил он риторически.

Вдоль улицы проплыли вереницей четыре серых красноносых гуся — протянулись по отраженному в воде небу как пролетели. Где-то в деревьях запела горихвостка, и голосок ее гулко понесся по пустынной округе.

— А куда зовут эвакуироваться? — спросила Раиса. — В школы?

— В ПВР. Нечего там делать!

— А что плохого в пэвэрах?

— Ничего плохого. Но только представь: комната, внутри несколько десятков раскладушек, незнакомые люди — кто-то с маленькими детьми,

кто-то с животными. Не спеши отдаваться в руки государства.

Раиса задумчиво покивала.

Новый день пришел ясным. На голубом небе расходились пышные перья облаков. Река меж домов остановилась, притихла, будто решила стать озером.

В окнах дома напротив невозмутимо цвела розовая герань. Сдвинутый водой дощатый забор теперь стоял веером, словно распустился после полива. За забором из воды показывалась блестящая крыша соседского автомобиля. Вокруг кустов собирался разный плавучий мусор. На высоком флагштоке обессиленно висел российский флаг.

— Вот такая весна, — сказал философски Тарас. — С крыши там вообще страх что видно.

— Пусти пасатреть?

Тарас отговаривал, пугал, что Раиса не устоит на тонком мостике, утопнет посреди огорода, но потом кинул поверх деревянной лестницы лист железа, сердито подал ручищу со своей крыши, когда Раиса медленно, приставляя ноги, зашагала к нему.

С тарасовской крыши открылось страшное.

И район, превратившийся в ванну с грязной водой, где плавают машины, игрушки, доски. И далекие панельки, раскиданные точно детские кубики. Тени проводов на воде. Девушка на рекламном щите услуг дантиста, с хитрой улыбкой держащая яблоко. Черные от влаги

деревья. Торчащие над затонувшими дорогами знаки остановки и переходов.

— Вот так, — печально протянула Раиса. — И жисть поломата, и тело женское пахнет верблюдом...

— Чего? — переспросил Тарас, потом икнул.

Дутая жилетка скрипнула и разошлась на шаре его живота.

Белый пес выскочил на крышу к людям и залился лаем.

— Ой, — махнула на него раздраженно Раиса. — Агонь тебя попяки!

— Пусть лает. Пусть слышат там, что есть еще живье.

Тарас смотрел на округу спокойно, рассуждал философски.

— Я все это уже видел, — объяснил он.

А потом рассказал, как в шестьдесят девятом в его родном Темрюке нагонная волна с Азовского моря смыла четыреста человек. Ему тогда было девять.

— Волна пришла неожиданно, быстро. Такая сильная, что снесла деревья и кирпичные дома, размыла саманные хатки, скрутила рельсы, перевернула корабли в порту...

Отец вывел Тараса и жену на чердак, но вода стала затапливать и чердак.

— Мы стояли сначала по колено, потом по пояс, потом по грудь. На нас опускалась крыша, пол проваливался. Я, когда смотрю фильмы, где ребята тонут в подводной лодке,

всегда вспоминаю, как мы стояли: вода ледяная, я маленький...

Когда вода подошла под самую крышу, отец Тараса выбил окно, и семью вынесло в открытое бурлящее море.

— Четыре метра ледяной воды, я плыву, вижу крыши домов... А потом увидел лодку. Отец ее остановил, закрепил цепью и держал. Насколько было сильное течение, мы потом по рукам увидели: у него кожи на руках не было, одни лохмотья.

Раиса и Тарас помолчали. Солнце встало на небе ровно.

— Не уплыла твоя?

— Маринка? Да плавает. Там дверь перегородило.

— Маринка? Смотрю, вы познакомились.

Перед сном Раиса решила проверить рыбу, стала медленно спускаться, а потом вовсе застыла, увидев Марину на ступеньке лестницы.

Рыба лежала поперек ступеней, держа хвостовой плавник в воде и вроде пытаясь принять сидячее положение. Передними красными плавниками, набухшими, словно новорожденные ручки, она ворошила макаронную пачку и подбирала выпавшее губами с досок.

Увидев Раису, рыба пошла вверх по ступенькам на вдруг окрепших руках. Чем больше обсыхали руки, тем больше походили на человеческие.

Увидев ужас на лице Раисы, Марина выгнулась и соскользнула в воду, ушла в глубину.

Раиса от удивления сама себя почувствовала рыбой, выброшенной на берег. Напуганная тем, что окунь может двигаться вне воды, хромая от спешки, поднялась на чердак, закрыла дверь и подперла спинкой стула.

За окном быстро смеркалось, даже пес Тараса замолк. Раиса долго стояла у окна недвижимая, потрясенная тем, что чувствует себя в безопасности еще меньше, чем в первый день подтопления. Ей стал особенно остро мерещиться свежий запах реки, острый аромат свежевывловленной рыбы.

Положив валидол под язык, Раиса наконец спряталась под одеяло, не успев заметить, как на темно-синей улице появилась черная лодка, как на ее борту дрожала белая точка фонарика и сыпала по воде прерывистую линию бликов, точно сигарета — пепелки.

Проснулась Раиса от мужских криков и девчачьего визга посреди тьмы. Сжала одеяло на груди. Замерев, слушала, как по первому этажу ее дома гоняются друг за другом шум и треск. Мужики матерились, женский голосок кричал, визжал, бросался обратно в мужиков только что услышанными матюгами.

Когда мужские крики вывалились на улицу, Раиса вышла на балкон, крикнула вслед маро-дерам:

— Иппивашумать!

Тощий мужик в пузатой куртке, по плечи в воде, толкал подальше от Раисиного дома

полусдутую лодку. В лодке, схватившись за ногу, был его поделеньник.

— Плывите, плывите на хрен! — стал подгонять уплывающих Тарас из окна.

Потом засмеялся:

— Страна ждет героев, а рождает дураков!

Неудачливые воришки переправились через улицу и двинулись по дальней стороне, трусливо свернули между домов, как только появился проход.

— Рыба-то твоя охранный оказалась! Кусается! Жалко, у тебя тащить нечего, мужики зазря получили, — торжествовал Тарас.

Его пес белым пятном в синем воздухе показался на крыше, зашелся лаем.

— Поздно ты выперся! — сказала в сторону пса Раиса, а затем вернулась к дивану.

Она отдышалась, сидя, а потом улеглась с улыбкой и уснула на удивление спокойно. У нее, оказывается, появилась защита получше песей.

Утром убрала стул от чердачной двери. Порылась в шкафу, выискивая что повкуснее. Нашла просроченную банку шпрот в масле, потащила ее опасно вниз. Села на ступеньку у воды медленно, осторожно.

Когда выглянула рыба, заговорила с ней ласково:

— Мариша. Мариша хорошая.

Раскрытая консервная банка запахла душисто и жирно. Подхватив черную шпротину за хвостик, Раиса кинула ее в воду и с удовольствием

облизнула пальцы. Марина поймала угощение у самой воды, принялась хрустко жевать.

— Марина кушает, — одобрительно прокомментировала Раиса.

Когда рыба стала заглатывать воду, словно запивая еду, Раиса сказала тем же тоном:

— Марина пьет.

Потом со вздохом добавила:

— Раиса не пьет.

А Марина вдруг ляпнула:

— Пелядь!

— Ты откуда такие слова знаешь?

Раиса вспыхнула, стала клясть заплывших ночью дураков дурацких, которые при ребенке ругались, потом рыбаков, которые сквернословят на берегах под сигаретку и беленькую, потом замолчала, погрузилась, опять наткнувшись мысленно на то, что не давало покоя.

Так потянулись дальше вынужденно трезвые дни. Тарас на горелке готовил горячее, приносил поднятую с лодки волонтерскую помощь, приходил просто потрещать: рассказывал новости, глазел на Марину. Он экономил сигареты, но вечерами все-таки выдавал Раисе по одной — угощал.

Раиса много времени проводила на ступеньке у воды, читая для Марины вслух книги с чердачных полок, каждый раз сетуя на их вид: «Все обдриськанные тараканами».

— «Первый осенний холод, от которого пожелтела трава, привел всех птиц в большую тревогу», — читала Раиса.

Марина смотрела без понимания, тогда Раиса заключала:

— Да, рожденный плавать летающего не разумеет. — И потом продолжала читать.

Иногда рыба слушала чтение, мельтеша возле ног Раисы. Иногда, заскучав, начинала плавать по кухне вокруг, примерять мусор, украшая себя: то полотенце шарфом повяжет, то кастрюлю шлемом наденет.

Пару раз она гоняла стайку мальков, заплывших в дом через узкую щель. Когда голова с наростами-косичками скрывалась под водой, Раиса прекращала чтение, сидела по-старушечьи, остановив взгляд на воде, как раньше перед окном.

Вид потонувшей в речной воде кухни удручал.

— Тюльку только постирала эту, — принялась вслух сожалеть Раиса. — А палас у меня какой красивый был! Если провести по ворсу, переливался! На дверцах поклеены вырезки из журналов, гномики... Эх, не жили богато — нечего начинать.

Грязная речная вода пускала на потолок чистейшие золотистые отсветы, какой-то невиданный святой свет.

Вдруг поплававком из-под воды прыгнула бутылка: светлое стекло, белая этикетка, красная пробка. Раиса подскочила на ноги, потом бросилась на колени, стала загребать воду, стараясь приблизить бутылку.

— Помоги, помогай! Добратабенебудь, — скороговоркой ругалась Раиса на рыбу.

Но Марина держалась рядом, смотрела на булькающую по воде руку, на стеклянный поплавок и бездействовала.

От отчаяния Раиса закричала. Это напугало рыбу, она дернулась в сторону и хвостом не нарочно подкинула водочную бутылку к ступеням. Раиса схватилась за горлышко, чуть не свалившись, тяжело встала, подняла бутылку к глазам.

Водка никогда не казалась ей вкусной. Раиса помнила едкое чувство отвращения к себе, разливающееся внутри вместе с острым водочным вкусом, помнила тягостное осознание ошибки, зависимости и в то же время — полное отсутствие сил воспрепятствовать новому глотку. Помнила так ярко, словно не провела год в трезвости.

Она замерла на полпути к чердаку и задумалась.

Вот выпьет сейчас, утром разболеется — Тарас не дозволится, Марина останется голодной. И тут же сама с собой спорит: нет, бутылка всего одна, не будет как раньше, когда выпила, утром похмелилась, выключила телефон, чтобы с работы не дозвонились, пила три-четыре дня, потом заставляла себя выходить из запоя. А выход этот значил: один день практически умирать, на второй — выползти на работу, боясь всего на свете, даже просто переходить дорогу. Состояние психоза. Ночами потеешь, на третий день

самочувствие начинает улучшаться, и только на четвертый можно сказать, что отходишь, — но обычно уже начинаешь пить заново.

Раиса вспомнила все это и ослабила руки на груди, прижимающие бутылку. Та скользнула вниз, о последнюю ступеньку разлетелась и пролилась в воду осколками и пахучей жижей.

Марина зашипела, закричала как ошпаренная, стала плевать, хватать ртом воздух. Отплыла дальше и стала вроде полоскать рот: с раскрытыми губами таскать голову по воде.

— Ой, ты... холерина ты несчастна, — испугалась за рыбу Раиса, стала звать: — Иди, иди сюда!

Только неясно зачем — помочь Марине она ничем не могла. Волнуясь, что ошпарила рыбу водкой, омыла ступени от пролитого, собрала крупные осколки, поводила у ступеней ладонью по воде — вроде как разбавляя. Страх за Марину перекрыл обиду за разбитую водку.

Марина наполоскалась и ушла в глубину, стучала по дну утонувшей посудой. Раису мучил стыд, на чердаке она полезла в шкаф: искать, чем еще можно угостить окуня, искупить вину. Нашла банку перловой каши с говядиной, но вниз пойти постыдилась — сидела на диване, чутко прислушиваясь, мяла одной сухой ладонью другую.

Когда стало смеркаться, с кухни полетела заунывная пьяная песня.

И Раиса заплакала, поняв, что ее воспитательный процесс не принес добрых плодов.

Всю ночь Раисе снилось, как Марина плавает в серо-зеленой воде ее кухни, волшебным образом отросшие ее рыжие волосы путаются вокруг ножек стола, в спинках потонувших стульев, а нежные рыбы ручки режутся о бутылочные осколки у лестницы. Рассветало.

Раиса проснулась, но страх не ушел: подплывет рыба к ступенькам за едой и непременно поранится! Ведь Раиса приручила Марину, приучила подплывать и просить и теперь в ответе за ту, кого прикормила.

Она не придумала ничего лучше, как соврать Тарасу, что в воду пролился уксус. Он помог достать со шкафа старую раскладушку, поставить ее по-людски. Когда пошли вниз, он хотел взять что-нибудь — обернуть Марину, — но Раиса запретила мочить вещи.

Рыбью девочку не пришлось вылавливать: она нашлась спящей на лестнице у воды. Это был пьяный сон, но она походила на отравленную уксусом.

Головные наросты на воздухе потянулись рыжими прядями, хвост разохся на две тонкие ножки, плавники стали ручками, а кнопки чешуи — розовой кожей. Марина казалась новорожденной: скользила из рук, беззвучно плакала от прикосновений.

— Страх какой... — шепнул Тарас. — Не зря их не ловит никто.

— Как же страх? — возразила Раиса. — Посмотри, красота какая! Нет, не надо, не смотри на нее!

Раисе тайно верилось, что вдали от воды окунь обратится человечком, мечталось, что станет бегать радостным ребенком, услужливой дочерью помогать по дому, ходить в магазин...

Тарас поднял взгляд, тяжело зашел на чердак, опустил Марину на раскладушку, кивнул головой:

— Не рахатные тут условия...

Перерождаясь, рыба становилась обычной девочкой лет четырнадцати, лежала вяло — будто упала без сил на речной песок после долгого купания.

— Чужое ей все это, — оглядел Тарас чердак. — Надо куда-нибудь... Вон, в огород выпустить.

Раиса замахала руками, сказала, что с крыши ребенка сбрасывать не даст, напонила, что по дворам ходит щука, придумала, что у Тараса в огороде строительный мусор, принесло какую-нибудь доску с гвоздем... Так протестовала, словно это ее хотели бросить в холодную речную воду.

— Ну что там, в реке, хорошего? Холодно, темно, камни да трава, — начала вдруг Раиса, будто уксус был только поводом для аферы. — Скоро вовсе очеловечится, и я ее, обещаю, удочерю. Фамилию свою дам. Паспорт нашенский получим. У меня же никого нет, ты знаешь. У самого-то дочка, хорошо тебе с дочкой?

Тарас мрачно молчал, потом со вздохом вылез в окно и ушел к себе.

Раиса попросила волонтеров привезти на себя одежду — что найдется, нижнее и верхнее. Сказать, что на чердаке прячется раздетый ребенок, было нельзя.

Доставленные платье и куртку Раиса подвязала на Марине поясом: она все равно только лежала, жалобно глядя по сторонам, пояс держал на ней вещи. Днем Раиса подкладывала подушку и сажала девочку к стене, кутала слабые ножки, на которые та не могла никак опереться, стеганым одеялом.

Тарас приносил горячую еду, передавал миски в раскрытое окно и тут же закрывал створку, долго стоял за стеклом, глядя на Марину с жалостью, бросал на Раису осуждающий короткий взгляд и снова уходил.

Жажда выпить у Раисы преобразовалась в острую жажду душевной близости: хотелось делать хорошее и получать в ответ радость, благодарность, любовь. Раисе всегда казалось, что ребенок — самый быстрый прибор для такой переработки поступков в эмоции, ребенка легко делать счастливым: был бы согрет, накормлен и весел.

Продолжилось чтение книг. Раиса дошла до полки с тем, что читал ее муж, старых книг по вождению и механике. Прикосновение к ним, перелистывание желтых страниц рождали в Раисиной душе тепло воспоминаний.

Раскрыв «Спутник водителя автомобиля» на красочном вкладыше с автодорожными знаками, Раиса переложила книгу со своих на Мариныны колени, стала обводить пальцем красные круги.

— Смотри, пе-ре-ход...

В порыве чувств, из появившейся тяги заполнить занывшую пустоту, Раиса вдруг попросила рыбу:

— Скажи еще раз: ма-ма?

— Барабулька! — выдала Марина.

Раиса возмутилась сначала наигранно:

— Ах, «бабулька»?!

Но тут же Марина схватила раскрытые страницы, смяла, стала рвать и дергать из стороны в сторону, стала кричать. Когда Раиса попробовала забрать книгу, начала царапаться и кусаться. Раиса заругалась, потом заплакала: кожу саднило, было жалко книгу, мужа, отношений с Мариной, себя...

— Чтоб ты пропала, рыба морда! — Ушла Раиса на диван.

Когда в следующий раз пришел Тарас, она ему пожаловалась на дочь.

— Это не воспитание плохое, это природа другая, — бессильно вздохнул Тарас. — Тебя бы кто утащил в реку и заставил икру лягушек есть, каково?

— Так она икру любит? У меня, кажись, кабачковая есть!

Тарас махнул рукой и опять ушел. Марина накрылась одеялом с головой, затихла. Раиса